

Новоселов Борис Васильевич

доктор технических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник Всероссийского
научно-исследовательского института «Сигнал»

ВОЙНА ГЛАЗАМИ СЕЛЬСКОГО МАЛЬЧИШКИ ПРИФРОНТОВОЙ ЗОНЫ

Аннотация:

Излагается личное восприятие сельского мальчишки событий поры Великой Отечественной войны, оказавшегося в прифронтовой зоне: начало войны; жизнь военного времени во всех ее ракурсах (учеба в школе, работа в колхозах, питание, одежда, бытовые условия, морально-психологическое состояние людей); конец войны. Показаны основные факторы, позволившие выстоять селянам в эту пору: наличие натурального хозяйства; дух коллективизма; характер, сила и самопожертвование русской женщины.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, прифронтовая зона, сельский анклав, натуральное хозяйство, дух коллективизма, самопожертвование русской женщины.

Novosyolov Boris Vasilyevich

D.Sci, Professor,
Honoured Scientist of Russia,
Chief Research Associate,
All-Russian Research Institute "Signal"

THE WAR AS VIEWED BY A BOY FROM A FRONT-LINE COUNTRYSIDE

Summary:

The paper presents a personal perception of the Great Patriotic War by a countryside boy living in the front-line area. Among the described events are: beginning of the war, all aspects of war-time life (school study, work in kolkhozes, food supply, clothes, living conditions, moral and psychological state of people), ending of the war. The author shows the main factors that helped country people to survive in that time: subsistence farming, team spirit, nature, strength and self-sacrifice of a Russian woman.

Keywords:

Great Patriotic War, front-line area, country enclave, subsistence farming, team spirit, self-sacrifice of a Russian woman.

Предвоенная пора. Чтобы не вводить читателя в заблуждения, сразу же определим временные и географические границы для рассматриваемого материала.

Во-первых, будем излагать лишь личное восприятие описываемых событий и лишь небольшой частью услышанное от людей, окружавших автора именно в годы Великой Отечественной войны, поскольку много написано и показано об этом времени и легко можно уйти на повторение чьих-то чужих мыслей.

Во-вторых, очертим тот географический район, в котором пришлось жить автору в предвоенные и военные годы: Калининская область, Брусовский район, деревня Ишутиха. Располагалась деревня в километре от станции Брусово железной дороги – Бологое, Рыбинск, Ярославль, в 40–60 километрах по прямому от Вышнего Волочка, Торжка, Бологоя, Калинина. Отметим и то, что в семи километрах от деревни располагалась крупная военная база хранения боеприпасов и авиабомб, называемая в народе «Площадка», которая для всех местных жителей была сверхсекретным объектом. В первые годы войны именно станция и военная база станут для немцев объектами для их обнаружения и бомбежки.

Контактными для автора-мальчишки были селения: Брусово, Ишутиха, Ежиха, Бражиха, Подериха, Рябиха, Братское, входившие в тот или иной колхоз: Брусово – «Призыв Ильича»; Ишутиха, Подериха – «Им. Сталина»; Ежиха, Бражиха, Рябиха – «Им. Н. Крупской», временами они объединялись, временами «разбегались», но в годы войны носили именно эти имена.

Промышленности в районе практически не было. Колхозники жили в основном сельским трудом и натуральным подсобным хозяйством. Указанные селения обслуживали: мельница; маслобойни для производства льняного и конопляного масла.

Необходимо особо отметить «заслуги» уже упомянутой мельницы, установленной на маленькой речушке Середница. Во-первых, мельница молола попадавшее иногда в руки колхозников зерно, во-вторых, на мельнице была пристройка со станком для изготовления щепы, называемой у нас лучинкой, для покрытия крыш домов и дворов, в-третьих, перед мельницей была глубокая и широкая запруда, а поэтому уровень воды в речке был достаточно высоким. В реке всегда было много рыбы, а для ребятишек это был прекрасный водоем для купания, ныряния и организации малого «судоходства»: плотов, лодок, роек. Сегодня уже нет мельницы, водоема, нет рыбы, не используется сила воды для изготовления кормов скоту из зерновых отходов.

Вот вся эта *натуральщина* позволила выжить селянам в военные и особенно в первые послевоенные (1946–1947) годы, когда в стране были засуха, неурожай, шло восстановление народного хозяйства.

Вторая неотъемлемая сторона жизни деревни той поры – высокий *дух коллективизма*. Коллективная колхозная работа, особенно в пору сенокоса, жатвы и обмолота урожая, коллективное проведение празднеств, советских и особенно религиозных. Игры в лапту, городки были уделом всех жителей деревни – взрослых и малых.

В предвоенные годы, если интегрированно оценивать жизнь в этом анклаве, то ее можно оценить так: жили бедно, но зато дружно. Деликатесов на столе, естественно, не было. Достаточно сказать, что по-настоящему вкус мороженого, халвы, колбасы автор узнал, лишь став в 1951 г. студентом «Военмеха» [1]. Для ребятишек деликатесом был черный хлеб с льняным и особенно конопляным маслом. Но хлеб своей выпечки, молоко от своей коровы, мясо, яйца почти всегда были на столе. За сахаром, конфетами (типа «подушечки») стояли в очередях в магазинах райцентра Брусово. Большая часть одежды, домашнего обихода (полотенца, занавески, одеяла, половички и т. д.) изготавливалась собственными силами. Почти в каждом доме были прялки, а у многих хозяек – даже старинные ткацкие станки. Самостоятельно формировались и определяли свой статус местные портнихи. Валенки, которые были почти круглогодичной обувью, то с калошами, то без них, изготавливались умельцами-самоучками. Такие же умельцы обрабатывали кожи и даже шили невзрачные на внешний вид, но зато добротные по надежности сапоги.

Взаимовыручка и взаимоподдержка проявлялись практически во всем: посадка картофеля на приусадебных участках; строительство домов, колодцев, бань; переживание случившихся бед. Как бы ни было трудно, но и в военные годы именно дух коллективизма и уже упомянутая натурализация всех сфер деятельности помогли выжить селянам.

Ждали ли люди войны? Автору, по восприятию того времени, кажется, что большинство из сельских жителей – нет, хотя напряженность и чувствовалась во многом. В магазинах райцентра начались перебои с хлебом, сахаром, текстилем, табачными и кондитерскими изделиями. Были повышены налоги на крестьян. В колхозах работниками военкомата тщательно велась регистрация лошадей. Автомобилей в колхозах тогда не было. Вернувшиеся с советско-финской войны мужчины, в частности раненный на ней мой родной дядя Митя, рассказывали, но, правда, или шепотом, или в подвыпившем состоянии об ужасах современной войны. До нас, ребятишек, все эти события доходили лишь косвенно, но в разговорах и поступках старших мы в какой-то мере это ощущали. Газеты в деревне выписывали лишь некоторые семьи: председатель колхоза и мой отец – агроном райзо [2]. Телефонной связи между деревнями не было. Радиоприемников не было, а радиоточки из всех вышеупомянутых деревень были лишь в Ишутихе и в райцентре Брусово, и далеко не во всех семьях.

Начало войны произошло так. В соседней деревне Ежиха, где жило большинство моих родственников, колхоз праздновал окончание посевной. День был солнечный, жаркий, столы для всех колхозников с угощением стояли на центральной улице. Играли гармошки. Кто-то пел, кто-то выделял «па», а кто-то уже отдыхал на травке. Я сидел рядом с упомянутым выше дядей Митей. И вдруг увидели, что со стороны Ишутихи верхом на лошади несется какой-то всадник с криком – «Война!». Все утихло, даже замерли. И хорошо помню, как дядя Митя прокричал: «Это конец!» И, действительно, он в первые же месяцы войны погиб на Невском пятачке под Ленинградом.

Здесь же мгновенно большинство из только что праздновавших людей на запряженных телегах отправились в райцентр. Ну и мы, ребятишки, с ними. Там около здания райкома партии был организован митинг. По радио транслировалась речь В.М. Молотова. И даже сегодня поражаюсь тому, как быстро здесь же, на площади, буквально в считанные часы была организована колонна мобилизованных мужчин, которая в сопровождении работников военкомата направилась в сторону станции Максатиха, где, наверное, был заранее создан некий сборный пункт. Колонну сопровождал *стон женщин*, следовавших за ней. Этот стон, запомнившийся мне, будет сопровождать всю жизнь селян военного времени то ли при отправке очередных призывников, то ли при получении в той или иной семье похоронки, то ли при возвращении в деревни израненных, изуродованных мужчин.

С первых же дней начавшейся войны район почувствовал ее воздействие. Непосредственно над его местностью постоянно кружили немецкие самолеты-разведчики, по всей видимости, искавшие военную базу, которая уже упоминалась, они же пролетали постоянно вдоль железной дороги и порой бомбили проходящие или стоящие на станции Брусово составы. Иногда немецкие асы даже занимались своеобразными играми, устраивая гонку за тем или иным грузовым автомобилем. Как сейчас помню пролетавшего с улыбкой на высоте нескольких метров над мной немецкого летчика, гнавшегося за машиной, въехавшей со стороны станции в нашу де-

ревню. Местные власти организовывали для борьбы с диверсантами и дезертирами истребительные отряды, в один из которых входил и мой отец, который до декабря 1941 г. находился на броне, как главный агроном МТС. Велись работы по созданию огневых точек, рытью окопов. Один из таких объектов располагался на пригорке непосредственно в нашем огороде.

Второй неотъемлемой чертой того времени стал поток беженцев, преимущественно с Украины. Часть их оседала в нашей округе, а часть следовала дальше. По дорогам гнали гурты скота. Образовалась какая-то *круговерть*: оседали беженцы и в то же время нас самих готовили к эвакуации. В частности, наша семья должна была перебазироваться в Челябинскую область. И мы уже были готовы тронуться в поход, но в это время началось контрнаступление под Москвой, был освобожден город Калинин, и эвакуация была приостановлена. К этой круговерти следует добавить и то, что вокруг стояли воинские части, в большей части – кавалерийские. Помню, они постоянно отрабатывали упражнение – перемещение за всадником лыжников, державшихся за вожжи. Да к тому же в каждой избе располагались на постой работники бригад, присланных из различных районов страны для заготовки и отправки леса: дров, бревен, лапника. Кстати, последние делились с местными жителями той скромной снедью, которая у них была.

С началом войны – начало моей школьной поры. Так уж получилось, что в сентябре *первого года* войны я пошел в *первый класс* школы, которая располагалась в райцентре Брусово. Но, как только начались бомбежки станции и железнодорожных составов, первые четыре класса школы перевели в мою деревню – Ишутиха. Располагались они в двух комнатах двухэтажного, бывшего купеческого, дома. В каждой комнате размещались по два класса: первый и третий, второй и четвертый. У каждой пары классов был один учитель. Учеба на выселках в деревне длилась недолго – до 1942 г. Этот период запомнился лишь тремя моментами. Первый – проходили постоянные потасовки деревенских мальчишек с поселковыми, причем с переменным успехом. Второй – меня водили по классам с демонстрацией моего беглого чтения текстов в назидание старшекласникам, читающим по слогам. Третий – в любые свободные минуты мальчишки всех классов играли в «деньги», типа в «стенку» или в «котел». Задача в первой игре состояла ударом монеткой об стенку приблизить ее к лежащим монеткам на земле, а задача второй – броском битой попасть в лежавшую монету на земле, а затем ударом битой перевернуть эту монету с «решки» на «орла».

После разгрома немцев под Москвой ученики снова переселились в райцентр, а вот здесь начались большие беды. На станции останавливались платформы с трофейным и разбитым оружием. Мальчишки залезали на платформы, находили боеприпасы, использовали их в своих личных целях и частенько подрывались, погибая или оставаясь калеками на всю жизнь. С учениками велась воспитательная работа учителями, милицией, работниками военкомата, выставлялась охрана платформ, но эффект от этих мероприятий был малым. Наибольший воспитательный эффект оказала случившаяся с начальником милиции беда, у которого в руках взорвалась шашка тола. Красивый, стройный человек превратился в изуродованного инвалида. Этот случай стал назидательным для старых и малых. Число детских травм резко сократилось.

Вспоминая начало школьной жизни, необходимо обязательно отметить такой факт: были война, страдания, невзгоды, а детей государство учило, причем если в какой-то семье *ребенок прекращал учебу*, то с ней работали учителя, советские и партийные функционеры. Это же проявлялось и позднее на протяжении всех военных и первых послевоенных лет. А затем пойдет набор ребятишек в школы ФЗО и ФЗУ [3]. Это, с одной стороны, давало возможность помочь семьям, попавшим в тяжелое материальное положение, а с другой – заработала в полной мере система подготовки в стране рабочих кадров.

Все вышеизложенное было как бы внешней оболочкой того мира, в котором жили ребятишки этой поры. Но ведь была и внутренняя жизнь этого мира. Деревни покинули мужчины, появился не то что дефицит, а полное отсутствие хлеба, соли, сахара, мыла, спичек. Исчезли предметы одежды, канцелярские товары, книги. В деревнях в труде заменяли лошадей быками, так как лошадей забрала армия. В дефиците оказались керосин, посуда и т. д. и т. п. И все это дополнительной нагрузкой легло *на плечи женщин*, которые работали в колхозе, почти ничего не получая на заработанные трудовые; воспитывали детей; работали на своих приусадебных участках и обихаживали дом; искали, чем накормить, чем лечить и во что одеть детей; заготавливали дрова на зиму; вели уход за домашним скотом, без которого нельзя было выжить; переживали за мужей, ушедших на фронт и, бывало, месяцами не дававших весточки о себе. А еще нужно было платить всякого рода налоги и подписываться на государственные займы, за которые платить было нечем. Как они выкручивались, решая все эти вопросы, сегодня многим даже не понять. Русские женщины военной поры достойны памятника в каждом селении, благодарной памяти и заботе о них, правда уже единицах оставшихся в живых.

После вводных замечаний к рассматриваемой теме покажем хотя бы кратко, как выживали в это жестокое время крестьяне конкретной местности, находящейся длительное время недалеко от фронта.

Учеба в школе. Условия для учебы в годы войны, по крайней мере, конкретно в нашей местности были тяжелыми. Чернил не было, разводили сажу на воде и писали. Бумаги не было, писали на газетах и книгах. Учебников на всех не хватало, а поэтому устанавливали графики пользования ими. Ручки были перьевые. До сих пор помню перья под номером 86 и Рондо. Но их не хватало, а поэтому порой обходились, как в далекую старину, гусиными перьями. Мела не хватало, а поэтому использовали вместо него глину. В качестве портфелей почти все мальчишки носили холщевые сумки из-под противогазов. Электричества в нашей местности не было и до войны. Поэтому всевозможные вечерние культурно-массовые мероприятия (кружки, тематические вечера, художественная самодеятельность и т. д.) проводились при керосиновых лампах, свечах, а иногда и горящей лучине. Вместо спичек использовали зажигалки из камней и тряпья.

Налеты на железнодорожные составы немецкие самолеты продолжали практически до конца 1942 г. Школьники после бомбежек бежали к разбитым эшелонам. Самые страшные впечатления оставил разбитый немцами непосредственно на станции эшелон с ранеными солдатами, несмотря на то что на нем был опознавательный знак – красный крест. Оказались убитыми десятки и десятки вывозимых с фронта раненых солдат. Об этой трагедии и сегодня напоминает обелиск, установленный в Брусово около железнодорожного вокзала.

В школе начинали уже с третьего класса вводить военные занятия. Сначала они состояли в чтении литературы о войне, о проявляемом на ней героизме и героях и в беседах с вернувшимися участниками боевых действий. Затем проходили почти детские, но военизированные игры, заключающиеся во взятии высоток с деревянными винтовками в руках, прохождении походным строем опять же с деревянными винтовками. С четвертого класса мы уже начинали изучать устройство винтовки и автомата. Увеличилось число учебных часов, отводимых под физкультуру.

Работа в свободное от учебы время. Многие люди сегодняшнего поколения сомневаются, но это факт: 8–12-летние ребята, уже не говоря о более старших, работали все свободное время от учебы (если учились) в колхозах и на своих приусадебных участках наравне со взрослыми. Так, во время летних и зимних каникул, например, за мной, мальчишкой 8 лет (в 1941 г.), закреплялись лошадь или бык и комплект «телега – сбруя». Я должен был за ними, как говорят, ухаживать и выполнять определенную бригадиром колхоза работу: убирать урожай с полей; подвозить к ригам дрова; участвовать в молотье урожая; возить в государственные закрома мешки с зерном, льносеменами, лен для будущего волокна; пахать и боронить пашню; косить в одном ряду со взрослыми.

Было порой очень тяжело, но нам, ребята, эта работа даже нравилась. Мы считали себя взрослыми, помощниками семье, колхозу, государству. Особую трудность вызывала работа с быком, управляемым с помощью кольца, вставленного в ноздрю. Если на него нападали оводы, то он мог тебя вместе с плугом или телегой утянуть в лес, в пруд, в речку. И ты был беспомощен. Еще не менее трудной работой была заготовка в лесу с мамой дров для домашней печки. Бывает, заклинит дерево пилу, оба работника плачут, а ничего не могут сделать. Или застрянут сани с дровами в снегу, а ты опять беспомощен. Но зато ворочать мешки с зерном – это была возможность продемонстрировать свою силу, особенно перед девчонками твоего возраста. Нравилось скакать верхом на лошади, без седла конечно, возвращая ее к работе из ночного. Незабываемым наслаждением было всю ночь с каким-либо дедом топить печку в риге под треск высыхающих снопов и запах печеной картошки.

За работу надеялись в конце года получить от колхоза какую-либо натуральную зарплату в виде зерна. Но все эти надежды оказывались напрасными. Мы с матерью получали за весь год труда, как правило, полмешка зерна и пару телег сена или соломы для прокорма своей скотины. В дополнение к этому разрешалось весной, но ни в коем случае не осенью собирать на колхозных полях опавшие колоски зерновых и замороженный картофель. Из первых добывали зерно, мололи его и получали добавку к выпекаемому хлебу; из картофеля делали крахмал и пекли из него лепешки, мечтая постоянно о кусочке настоящего хлеба.

Заготовить сено на зиму было проблемой. Колхоз, в лучшем случае, выдавал по два-три воза сена на трудодни. Косить самостоятельно можно было только в лесу и практически только глубокой осенью. В некоторые годы сена на всю зиму не хватало. Приходилось вдвоем с матерью идти на преступление – приворовывать его у колхозных скирд. Однажды нас прихватил колхозный сторож и начал причитать: «Что ж ты, Тонюшка (имя матери), делаешь? Ведь посадят тебя в тюрьму, а детей отдадут в приют. Не делай этого, приди ко мне, я с тобой немножко поделюсь сеном». Мать плачет, я плачу, и он с нами слезами заливаается. Хорошо, что у нас было много

родственников в соседней деревне Ежиха. Они, чем могли, помогали матери, то кормами скоту, то даже хлебом или мясом.

В колхозах в то время не выполнялись даже элементарные требования по технике безопасности, несмотря на то что работали в основном женщины, дети, старики. Это приводило порой к страшным последствиям. Запомнился один случай. Ребятишки по кругу гоняли лошадей, чтобы крутить привод молотилки. Привод соединялся длинным валом с колесом, которое вращали лошади. Открытый вал проходил непосредственно через дорожку, по которой вышагивали лошади с их погонщиками. Однажды валом захватило одежду погонщика и накрутило его на вал. Мальчишка был изуродован, а вал так и остался без защиты. Таких фактов приводить можно много, но тогда на них никто не обращал внимания.

Одежда и обувь. Прежде всего использовали ту одежду и обувь, которые остались от довоенного времени. Мать с соседками, сами себя объявляя портнихами, что-то перешивали, что-то штопали. Затем на одежду шли старые мешки. Как сейчас помню свое пальто, обшитое мешковиной, и штаны из нее же. В некоторых домах были примитивные ткацкие станки, на которых изготавливали полотно из волокна льна или конопля, а из него уже шили рубахи. Самая ходовая обувь была – валенки. Овцы были во многих хозяйствах, и находились умельцы – изготовители валенок. Их носили круглый год: зимой без калош, а весной и осенью с калошами. Если калош не было, низ валенок обшивали кожей. Большим подспорьем были лапти из лыка или бересты и чуни – из веревок. Практичнее, конечно, были лапти: в них можно было ходить даже в сырую погоду, в отличие от чуней. Большим мастером по лаптям и чуням на всю округу был мой дед по материнской линии Павел Владимирович. Но при наличии даже такой обуви большинство детей, да и взрослых долгое время предпочитало ходить босиком. И обувь целее, и ногам вольготнее. Только многие люди той поры под старость стали немощными на ноги.

Питание. Вот эта часть жизни была особенно трудной как на протяжении всей войны, так и особенно в первые послевоенные годы (1946–1947). У многих семей были корова, свинья, овцы, свой приусадебный участок, а поэтому в меню были – у одних чаще, у других реже – молоко, мясо, картофель, овощи. Следует помнить и то, что большую часть созданных своим трудом продуктов питания приходилось продавать на рынке. Другого способа добыть деньги не было. А они нужны были как для нужд семьи, так и для оплаты налогов и облигаций на займы.

Очень туго было с хлебом, солью, сахаром. Так называемый хлеб выпекали в своих печках, но не из ржаной или пшеничной муки, а из промолотых и смешанных каши клевера, головицы льна, сушеной лебеды, очисток картофеля. В это месиво добавляли горсть муки для его связки. Как правило, после выемки из печи он разваливался на куски, которые с неохотой, но – куда деться – ели. Мечта о настоящем куске хлеба, по-моему, сопровождала всех. А я увидел эту мечту наяву в глазах и действиях дистрофиков блокадников-ленинградцев, вывезенных к родственникам в нашу местность. Они прятали даже салфетку, на которой был хлеб, и постоянно ее нюхали.

Соль пытались заменять калийными удобрениями, собранными в кучках на полях или в сараях. Но они здесь же вызвали отрицательную реакцию организма, а кто осмелился иногда использовать их в пищу, позднее заработал болезнь печени и желудка. И люди собирали последние деньги и шли на базар за солью, цена на которую была сумасшедшая.

Сахар пытались заменить иногда купленными где-то таблетками сахарина, но в основном использовали в качестве его сушеную сахарную свеклу или сок пареной свеклы и репы.

Но если сделать общую оценку, то можно смело сказать, что был дефицит тех или иных продуктов, но от голода люди не умирали, а даже делились с беженцами и вывезенными из блокады ленинградцами.

Бытовые условия. Почему-то очень быстро с началом войны исчезло мыло. Широко стали распространяться чесотка и вши. Русский народ находчивый, особенно в трудное время. Мыло стали заменять щелочным водным отстоем золы, которым умывались и в котором стирали. С чесоткой боролись дегтем, который выгоняли из березовых дров в специальных ямах, и собственной мочой. Все белье, конечно, пропаривалось в русских печах и банях. В связи с тяжелым трудом по заготовке дров часто мылись не в банях, а непосредственно в горловине русской печи, предварительно освободив ее от золы и подстлав там солому. Со вшами в волосах на голове боролись вычесыванием их гребнями, а порой женщины просматривали друг друга. С болезнями боролись различными настоями и припарками, используя черемуху, малину, крапиву, череду и т. д. и т. п.; деготь в различных модификациях. Со многими недомоганиями справлялись прогревом на кирпичах русской печи. Зубы чистили, жуя смолу сосны. Часто пили настой на березовой чаге.

Не могу не отметить, что в довоенное и военное время в деревне действовал здравпункт, в котором работали муж (фельдшер) и жена (медсестра), дядя Вася и тетя Фрося, оказывавшие огромную помощь селянам. Они могли вскрыть фурункулы, удалить зуб, принять роды, обработать

рану, оказать помощь при недомогании. Сейчас все уничтожено, а больные за помощью едут (если смогут) в новый районный центр за 40 км.

Морально-психологическое состояние людей. Еще раз повторяюсь с предложением поставить памятник в каждом селении русской женщине военного времени, на которых выпала доля – без мужей, ушедших на войну, кормить армию, воспитывать, учить, лечить, одевать, обувать детей, работать в колхозе и на своем приусадебном участке и скотном дворе; переживать за мужа, ожидая от него какой-либо весточки; страдать, получив вест о его гибели. Не нужно забывать и того, что нужно было находить средства для оплаты различного рода налогов. При нищенском существовании их заставляли в обязательном порядке подписаться на очередной государственный заем. Причем агитаторы часто действовали угрозами, объявляя, что неподписчикам будет урезан приусадебный участок или введен какого-либо вида запрет. Отрицательно действовали очередные выборы очередного председателя колхоза. В первые годы войны во главе нашего колхоза стояли женщины Е. Максимова, П. Виноградова, Е. Разыграева. Затем советские функционеры уже стали рекомендовать председателями мужчин, вернувшихся с войны инвалидами. Как правило, колхозники не хотели избирать председателем «иностраница», но его силой навязывали. Споры с криками, плачем, бывало, шли несколько дней, но кончались не в пользу колхозников. Пришелец долго не удерживался у штурвала колхоза и уходил, приводили нового, опять «сватали». И этот процесс почему-то шел постоянно и нервировал селян.

В первые месяцы войны население было очень плохо информировано об истинном состоянии дел на фронтах. Я уже говорил, что даже радиоточками были обеспечены далеко не все деревни и их жители. Газеты редко кто выписывал, а если и выписывал, то районную. Далеко не объективную информацию привозили возвращающиеся инвалиды и молодые женщины, мобилизованные на рытье окопов и заготовку торфа. Для примера, дядя Леша Шершаков, попавший раненым в плен к немцам, прооперированный ими и выпущенный из госпиталя без ноги, собирал большую аудиторию около себя (в которой и я оказывался) и рассказывал о сильных и благородных немцах. А некоторые «торфушки» и «копальщицы» тайком привозили сброшенные немцами листовки, в которых те призывали добровольно сдаваться в плен. Конечно, все это выслушивалось женщинами, стариками и детишками, но мне сейчас кажется, что этим байкам никто не верил, видя бомбежки железнодорожных составов с ранеными на станции, постоянно висающие в небе немецкие самолеты-разведчики и получая почти ежедневно похоронки с фронта.

В деревне появились местные гадалки на картах, к которым шли женщины, давно не имевшие вестей от своих мужей, они радовались удачному расположению карт или, наоборот, расстраивались от плохого их расклада.

А погибших на фронтах среди наших селян было много, только непосредственных родственников оказалось семеро. Так что не раз пришлось слышать стоны женщин клана Новоселовых, Владимировых. Да и оплакивать в других семьях приходилось всем вместе.

Широко ходили легенды об обилии дезертиров из армии, якобы прятавшихся в наших лесах. Я их лично не видел.

Хотя в довоенную пору, по крайней мере на слуху, сильной общественной организацией был Осоавиахим [4], простой народ к жизни в военных условиях не был готов. Один лишь пример. Над деревней Ежиха, а я как раз был там у своих бабушек и дедушек, пролетел скоростной самолет на большой высоте, и сзади за ним оставался конденсационный след. Все, кто находились на улице, с криками «Газы!» бросились к любого рода водоемам, включая и противопожарные бочки, мочили тряпки и закрывали ими рот и нос. Это действие длилось до тех пор, пока солдаты расположенной в деревне воинской части не объяснили причину появления этого следа.

И удивительно, что при всем этом ужасном положении молодежь деревень находила время и возможность иногда собираться у единственного патефона в соседней деревне Ежиха, чтобы послушать песни в исполнении Руслановой, Козина, Лещенко. Совсем редко при свете керосиновых ламп и обязательном присутствии гармониста, привозимого неведомо откуда, проводились так называемые «беседки» с плясками, играми в «бутылочку», спектаклями. Для нас, ребятишек, это были фантастически интересные события, и если нас не выгоняли, то мы их наблюдали от и до.

Кстати, в трудные дни войны часто песни помогали поднять тонус любой по возрасту части людей. Вечерами слушали песни, звучащие от патефона, молодые женщины в минуты отдыха от колхозного труда пели песни, порой грустные, а порой задиристые. На меня в первые месяцы войны произвело сильное воздействие исполнение солдатами при маршировке на площади районного центра песни «Вставай, страна огромная» и массовое (несколькими классами) разучивание в школе только-только родившегося «Гимна Советского Союза».

Массовое распространение сведений о зверствах немцев на оккупированных территориях с добавлением некоторыми кликушами информации о том, что немцы прежде всего убивают не

крещенных в церкви, привело к повальному крещению детей с выездом батюшки из церкви, расположенной за 10 километров, непосредственно в деревни нашего куста. Как сейчас помню свое крещение. Мне уже было почти девять лет, и первое мое условие было не снимать с меня трусы, вторым условием было – на руках меня не носить, а я сам буду ходить вокруг чана с водой, установленного посередине комнаты. Крестным моим отцом стал парень на два года старше меня, а крестной матерью – родная тетя. Отец у меня был явный атеист, член партии, создатель первой в районе коммуны и всегда противился религиозным обрядам, а здесь осталась мама одна, в душе верующая в Бога и всегда тайком от отца молящаяся. А без отца она и иконы повесила в доме, и детей окрестила. Кстати, вернувшийся с войны отец на иконы в доме уже не покушался.

С начала войны резко увеличилось число людей, обратившихся к Богу. И это была, по-моему, не ярко выраженная вера в Бога, а попытка людей найти дополнительную внешнюю силу поддержки их в трудную пору. Во всех домах появились иконы, женщины стали перед ними молиться. В религиозные праздники многие отправлялись на молитву в ближайшую церковь, расположенную в 10 км, в селе Дубровское. Особую привлекательность окружающих селян вызвало местечко Деревяжика – мифический островок, расположенный посреди болота. На нем располагалось неизвестно чье кладбище с каменными надгробиями, имеющими надписи на старорусском языке, колодец с родниковой водой и большой валун, по преданию, со следами Николая-угодника. В досоветское время там была расположена и часовня, которую в тридцатые годы XX в. разобрали на два скотных двора для семей Степана Шаршакова и Василия Скобелева, которые погибли в первые месяцы войны, как выражались некоторые старые бабушки, в «божье наказание за содеянное». Так вот это местечко стало настоящим магнитом паломников до сегодняшнего дня.

Переписку с отцом в виде треугольничков вел я, как самый грамотный в доме. Писал я все подробно с подачей фактов как своих, так и подсказанных мамой. На получаемых треугольничках всегда стоял штамп «Проверено цензурой».

Случилась беда в нашей семье с самым младшим ребенком, Колей (1941). Он тяжело заболел, действенной медицинской помощи оказать ему не могли, и он умер. Дедушка из соседнего дома смастерил гробик, и на руках он и мама унесли умершего на кладбище в деревню Горшуха. Женщины-соседки сопереживали маме и здесь же причитали: «Не переживай, Тонюшка. Ты молодая, еще родишь. Да и, слава Богу, тебя освободил от тяжести». Это в мою еще глупую голову вошло, и я на фронт отцу отписал: «Умер братишка Коленька. Слава Богу, он нас освободил от тяжести». Как сейчас помню ответ отца с нравучением, что, мол, нельзя так думать. Столько лет прошло, а этот инцидент лежит на душе большой-большой тяжестью, хотя и было мое восприятие случившегося в детском возрасте под влиянием причитаний чужих тетей.

Непонятно, как это было пропущено в письме, но в начале 1945 г. отец написал, что в ближайшее время он будет проезжать в эшелоне нашу станцию, и обещал хотя бы на мгновение увидеться с нами. Как оказалось позднее, часть войск в начале 1945 г. уже перебрасывали из-под Кенигсберга на будущий японский фронт. Вот в эту группу попал и отец. Мы каждый день бегали на станцию к мчавшимся сквозняком поездам. И в одном из них был и отец. Но встретиться нам не удалось. А свои хождения мы прекратили после получения письма от отца, отправленного им по пути уже с Урала. Вернулся он с востока живым и здоровым лишь в начале 1946 г. с «иконостасом» из наград на груди.

Дети есть дети, они хотят веселиться, отмечать праздники, контактировать друг с другом. И, несмотря на трудное время, им удавалось в определенной мере реализовывать свои желания и мечты. Лыжи изготавливали сами, даже загибая у них носы, и катались на них с горок, сооружая трамплины, ловушки и прочие устройства. Не было коньков – делали их с помощью местного кузнеца из толстого железного прутка и катались на них, прицепившись к бортам проезжающих автомашин, которые появлялись в наших местах при размещении воинских частей. Если дома не удавалось заглушить чувство голода, лезли летом в чужие огороды за огурцами, морковью, яблоками, за что иногда получали взбучку от хозяев опустошаемых огородов, а заодно от родителей и учителей, до которых доводились сведения о содеянном. Не было денег, но мы упрашивали контролера единственного клуба в районном центре пропустить посмотреть кино в зал, размещаясь на полу непосредственно перед экраном. И смотрели не только фильмы, созданные в довоенное время и демонстрируемые по частям с перезарядкой кинопроектора, но и специальные киноборники, посвященные событиям на фронтах, как правило, высмеивающие «фрицев» и прославляющие подвиги героев-красноармейцев. Мы сооружали рогатки и «поджигалки» для охоты на птиц, да и просто хвастаясь содеянным друг перед другом! Как я уже говорил, лапта, городки, игра в «деньги» были неизменными атрибутами жизни ребятешек военной поры. Мы украшали живые елки самодельными игрушками, бумажными бусами, сохраненными фантиками от когда-то съеденных конфет! Всего этого лишены сегодняшние дети. Для них уже нужны Интернет, электронные игры.

Конец войны. Четыре года бушевала война. Мы, ребяташки, росли, даже мужали, в тех условиях жизни, о которых поведано выше. Слушая радио, читая газеты, получая правдивые, а иногда не совсем правдивые сведения от взрослых, сначала очень переживали за оставленные нашими войсками города, поселки, территории, а затем радовались их освобождению. Продолжали кто учиться в школе, а кто уже в школах ФЗО или ФЗУ, в свободное время работать в колхозах и на приусадебных участках. Радовались возвратившимся, хотя и покалеченным мужчинам своей и соседних деревень. Переживали вместе с теми семьями, которые получали похоронки или письма о без вести пропавших. Помогали в чем-то своим матерям, а в чем-то их огорчали. В свободное время по-прежнему отдавались детским и уже недетским забавам. Жизнь не баловала детей, но они пристраивались к этим условиям. Практически во всех семьях основная часть всех трудностей, невзгод, бед ложилась на матерей, которым приходилось работать от «зари до зари», находить возможности накормить, одеть, обуять семью, учить детей в школе.

И вот настала пора, когда уже не в мечтах, а наяву стали ожидать завершения войны и возвращения в семьи еще оставшихся живыми мужей. Особенно это проявилось в дни штурма Берлина, о которых радио и газеты подробно давали информацию.

В начале мая 1945 г. уже ждали почти каждый день объявления об окончании войны. Сейчас я, конечно, не помню, а в то время и не знал о том, но почему-то ранним утром 8 мая сельчане ближайших деревень собрались в нашей деревне, где были радиоточки, и ждали долгожданного объявления. Хорошо помню, что в нашем доме собралось много родственников, и мы, ребяташки, лежали на русской печи. И вот зазвучали слова, зачитанные Ю. Левитаном, о полной и безоговорочной капитуляции Германии, об объявлении 9 мая всенародным праздничным днем.

Весь народ высыпал на улицу деревни, появились красные флаги, заиграли гармошки. Раздавались крики, смех, смешанные со стоном тех женщин, у которых погибли мужья. И вся эта толпа направилась в райцентр. Там был митинг, играл духовой оркестр, появилась непонятно кем и из чего организованная продажа алкогольных напитков и бутербродов с черным хлебом. Ученики направилась в школу, а там занятия отменили. А дальше пошли дни ожидания возвращения мужчин. Но наша семья встретила отца, отправленного на японский фронт из-под Кенигсберга, лишь в начале 1946 г.

Пусть эти строки станут строками памяти не о детстве, а о сельских русских женщинах военной поры, которые выдержали такие невероятные физические, духовные, нравственные трудности, что делает их истинно святыми.

Ссылки и примечания:

1. «Военмех» – Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, находится в Санкт-Петербурге.
2. Райзо – районный земельный отдел.
3. Школа ФЗО – школа фабрично-заводского обучения. Школа ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества.
4. Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (1927–1948) – общественно-политическая оборонная организация, предшественник ДОСААФ.

References and notes:

1. "Voenmeh" – Ustinov Baltic State Technical University "Voenmeh", located in St. Petersburg.
2. "Raiso" – District Land Office.
3. "FZO School" – Factory Training School. "FZU School" – Factory Trade Apprenticeship School.
4. "OSOAVIAKHIM" – Union of Societies of Assistance to Defence and Aviation-Chemical Construction (1927 – 1948), a socio-political defense organization, precursor of DOSAAF.